

Ангел пролетел

Автор:

Татьяна Устинова

Ангел пролетел

Татьяна Витальевна Устинова

Татьяна Устинова

Ангел пролетел

Вординаторской нарядили елочку, искусственную и немного кособокую, залежавшуюся с прошлого года в коробке. Глеб, взгромоздившись на шаткий пластмассовый стул, прицепил наконечник, грузно спрыгнул, и некоторое время все любовались необыкновенной красотой. За окном густо и бесшумно валил снег, главврач Шумаков прихлебывал кофе и вздыхал, а больше никаких звуков не было слышно. Даже лифт не гудел.

На елке вздрогнул и прозвенел колокольчик.

– Ангел пролетел, – тихонько сказала Маша, и все как будто украдкой оглянулись по сторонам, не увидят ли пролетевшего ангела. Только Шумаков не оглянулся, продолжал пить свой кофе и разгадывать кроссворд.

Ему было наплевать на всех ангелов в мире, такая уж у него была натура. Не романтическая.

А примерно в два часа дня в палате интенсивной терапии умер пациент. «Примерно» потому, что, когда дежурный врач заглянул в палату, медсестры на

месте не было и больной уже не дышал какое-то время.

Поднялась некоторая паника, впрочем, не слишком активная – пациент был уже стар, и на благополучный послеоперационный исход никто особенно не надеялся.

Прибежал «сам Шумаков», который и делал операцию, и расстроился – операция была проделана блестяще, он очень старался, и, когда все удалось, как-то поверил в то, что и дальше все будет хорошо.

А больной взял и умер.

– Да что вы так расстроились? – то ли удивилась, то ли посочувствовала операционная сестра Нонна Васильевна, сворачивая провода и отцепляя датчики. – Он уж свое пожил, а вы все равно молодцом, Дмитрий Антонович!

Вот это самое «все равно молодцом» окончательно вывело Шумакова из себя.

Он саданул дверью, послал к такой-то матери санитарку, которой не повезло попасться ему по дороге, засел в ординаторской и закурил, чего никогда себе не позволял.

В дверь заглядывали, но зайти никто не решался.

Он выкурил три сигареты, методично бросая бычки в чью-то кружку с остывшим чаем – они всплывали и, коричневые от чая, болтались на поверхности. В раздражении схватил трубку непрерывно звонившего телефона и грохнул ее на стол рядом с аппаратом, швырнул на кушетку оставленный кем-то из дам в кресле пуховый платочек, от которого несло табаком и сладкими духами, и зарычал, когда дверь снова приоткрылась.

– Дмитрий Антонович...

– Вам чего?

– Там... пришли. К этому... к покойному. Вы... выйдите или сказать, чтобы обождали?..

Шумаков посопел носом, и медсестрица – от злости и тоски он позабыл ее имя – поглубже спряталась за дверь.

– Почему меня так раздражает слово «платочек»? – мрачно осведомился он.

Медсестрица в дверях сморщилась, понимая, что сейчас произойдет нечто страшное и предотвратить или остановить это никак нельзя, словно надвигающийся поезд. И переспросила жалобно:

– Что?.. Какое слово?

Напрасно она переспросила!

Впрочем, даже если бы не переспросила, изменить все равно ничего было бы нельзя.

– А такое слово! – заорал Шумаков, будто только и ждал этой возможности. – Вот такое вот слово, черт бы вас взял!.. «Платочек», мать вашу!.. Разбросали, как... как в будуаре! Это что?! Больница или бордель?!

– Я не знаю, – пропищала медсестрица и заплакала за дверью, – я не знаю, что вы такое говорите, Дмитрий Антонович...

– А вот об этом я говорю! – Он вскочил, двинул стол и опрокинул стул. Платочек валялся на кушетке, он сдернул его, скомкал и швырнул, но почему-то не в медсестрицу, а в сторону окна. – Развели тут, черт возьми, всякие дортуары, а что больные мрут, нам плевать, да? Куда дежурная сестра из реанимации подевалась? Елочку пошла наряжать?

– Да не знаю я! – провыла медсестрица. Она утирала щеки и украдкой посматривала в коридор, не идет ли кто на помощь. Никто не шел, все знали, что главному нужно «выпустить пар».

Главный очень трепетно относился к своим больным. Он пришел в коммерческую медицину из Института Склифосовского и сильно отличался от закормленных молодых врачей, которые точно знали, что работа – это просто работа. Вот зарплата, вот премия, вот выходные с праздниками, а вот материал, с которым

надо работать. Ну и какая разница, что материал этот – люди? Люди тоже материал!..

– Сестры на месте нет, по кушеткам у нас платочки валяются, а родственникам о смерти я должен сообщать, да?

– Дмитрий Антонович...

– Да идите вы!.. Срочно ко мне дежурного врача и эту дуру, которая из реанимации ушла! А родственникам скажите, чтобы ждали меня!

– Может, Глеб Евгеньевич скажет...

Медсестрица работала не первый день и, несмотря на свое безутешное горе из-за несправедливости главного, интересы свои все-таки соблюдала.

Главный поорет, успокоится, но запомнит, что она о нем в трудную минуту заботу проявила, предложила Глеба на амбразуру послать!..

– Не надо ничего, и идите вы отсюда уже!..

Платочек валялся на полу, отравлял ему жизнь.

Он знал, вскоре ему станет очень стыдно, что он так орал, просто нестерпимо стыдно, и придется как-то извиняться перед медсестрицей, имени которой он так и не вспомнил, и уговаривать совесть, и унимать гадливость по отношению к себе самому.

Он снова закурил, свирепо косясь на платочек, потом встал, поднял его и швырнул на кушетку. Ему казалось, что руки у него тоже воняют сладкими духами.

Узнал бы чей, убил бы!..

При мысли о смерти его опять всего перекосило, он двинул кресло, задел ножку стола, стол дрогнул, на нем закачалась искусственная елочка в горшке, украшенная тем, что он мысленно называл «фунтиками» – крохотными,

затянутыми в фольгу коробочками как бы для подарков. Шумаков замер. Елочка покачалась-покачалась, повалилась и задела кружку, в которую он швырял окурки. Перехватить ее он не успел. Кружка медленно, как бы нехотя, наклонилась, Шумакову даже показалось, что на миг замерла в таком положении – он зажмурился, – и с грохотом упала.

– ...!

Чай, смешанный с окурками, выплеснулся на стол, залил истории болезней, журнал и клавиатуру компьютера.

Шумаков кинулся спасать истории. Спас, сорвал с крючка полотенце и стал судорожно промокать воду. Собрал в горстку окурки и ногой нащупал под столом педальку мусорки с откидной крышкой.

Он кинул окурки, мельком глянул внутрь, и крышка захлопнулась.

Что-то там, внутри мусорного ведра, показалось Шумакову подозрительным, и он снова нащупал ногой педальку. Крышка послушно поднялась, как будто пасть распахнулась.

Три мокрых скрюченных окурка лежали сверху на полупустом медицинском пакете. Обыкновенный пакет, в котором бывают препараты для капельниц, – прозрачный полиэтилен, черные буквы.

Главврач Шумаков сдвинул прямые темные брови, от чего сделался похож на филина, подумал секунду, нагнулся и вытащил пакет. Окурки один за другим тихо попадали в мусорку.

Шумаков изучил пакет и даже вытер его ладонью.

Именно этот пакет с физраствором поставили больному, который умер примерно в два часа. Он знал это совершенно точно, потому что буквы внизу были как будто чуть-чуть смазаны, словно печатная медицинская машина пошла немного вкривь. Он его и принес дежурному врачу, и тогда же заметил смазанные буквы.

Что-то не так. Что-то явно не так.

Шумаков еще раз посмотрел на буквы, сунул пакет в карман и вышел из ординаторской. Небольшая компания, стоявшая в конце коридора – две сестрички и три молодых коммерческих дарования, – завидев его, засуетилась и, как мираж, растворилась в коридорной тишине и сиянии люминесцентных ламп. Никому не хотелось встречаться с главным.

В отдалении хлопнула дверь за последним из рассосавшихся.

Боком Шумаков ощущал некое холодное движение, словно в кармане что-то переливалось. Там переливался медицинский пакет, наполовину наполненный жидкостью.

Хотел бы он знать, что именно поставили больному вместо безобидного физраствора!

Он распахнул дверь в оперблок и заглянул по очереди в одну и во вторую операционную. В первой никого не было, а во второй кто-то пел чудесную песню.

– Маленькой елочке, – пел кто-то в операционной, – холодно зимой. Из лесу елочку взяли мы домой...

Новый год не просто подступал все ближе и ближе, он обложил со всех сторон людей, учреждения, кафешки, троллейбусы, автобусные остановки и дома. Кругом были поразвешаны лампочки, веночки и гирляндочки, расставлены елочки и фигуры в шубах. Шумаков думал про фигуры, что это Снегурка со Снегурком.

Он не любил Рождество, и Новый год тоже не любил.

– Нонна Васильна! – позвал он, и его голос эхом отозвался в кафельном пространстве оперблока. – Вы где?

Куплеты про маленькую елочку смолкли, и из двери во вторую операционную выглянула санитарка Люся.

– А!.. Дмитрий Антонович! Вам чего?

– Мне чего? – поразился Шумаков.

– В смысле... вам чего... угодно?

Люся была санитаркой «старой закалки».

В старину санитарок специальным образом закаляли так, чтобы они ненавидели всех больных, врачей, медсестер и свою работу. Для того чтобы закрепить это ценное для санитарок состояние, им мало платили, а работу поручали тяжелой и неблагодарную. С тех самых пор так и повелось – раз санитарка, значит, «старой закалки».

Люся на самом деле была добрейшей души женщина, очень исполнительная и трудолюбивая. Шумаков ее ценил, даже специально выписал из Склифа, когда ударился в «капиталистическое производство», то есть в коммерческую медицину. Люся долго сомневалась, уходить или оставаться, но с уходом Шумакова на прежнем месте работы стало совсем худо, и она решилась. Зарплата на новом месте у нее выходила раз в пять больше, а работы было раз в тридцать меньше. Да премии, да вежливое окружение, да еще чистенькие, богатенькие больные и их душевные родственники! И никаких ножевых и пулевых ранений, и никаких топоров в спине, и никакой рвоты и кровищи на сверкающем полу, но Люся все же иногда вздыхала и печалилась – из Института Склифосовского, где все заняты спасением человечества, почти никто и никогда не уходил в коммерческую медицину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/tatyana-ustinova/angel-proletel>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)